4
П-71
74
библ-ка
19/IV

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 74

Н. А. ЕСЬКОВА

ПОДАЧА СВЕДЕНИЙ О ПАРАДИГМАХ СЛОВ В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. Е. НИКИТИНА

О СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

М. В. ПАНОВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ «ФАНТОМЫ F »

Москва — 1975

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

70626

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 74

Н.А.ЕСЬКОВА. Подача сведений о парадигмах слов в словаре русского языка

С.Е.НИКИТИНА. О словаре языка русского песенного фольклора

М.В.ПАНОВ. Фонетические "фантомы Р"

Москва - 1975

4
П-7174
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
70626

А 13475 от 29.10.75 г. 190 экз. 2,25 п.л. Зак. 1050

Тип. МГПИИЯ

Н.А.Еськова

ПОДАЧА СВЕДЕНИЙ О ПАРАДИГМАХ СЛОВ В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

К семидесятипятилетию А.А.Реформатского – моего дорогого учителя.

Настоящая публикация может рассматриваться как своего рода инструкция для подачи сведений о парадигмах слов в словаре русского языка. В рамках традиционного для русской лексикографии способа записи грамматической информации разработана такая система сообщения сведений об устройстве парадигм, которая позволяет – в пределах оговариваемых ограничений – зафиксировать состав парадигмы любого включаемого в словарь слова. Поскольку до сих пор не существует словаря русского языка, который содержал бы исчерпывающие и последовательные сведения об устройстве парадигм слов[x)], специальная публикация на эту тему представляется правомерной.

Необходимо оговорить, что разрабатываемые здесь правила ориентированы на формальную структуру словоформ и не учитывают тех парадигматических различий, которые зависят от семантики слов или определяются принадлежностью их к определенным грамматическим категориям. Поэтому здесь не идет речь, например, о различиях между парадигмами таких существительных, как бедняк и армяк (вин.ед. бедняка и армяк, вин.мн. бедняков и армяки), которые определяются тем, что первое из них одушевленное, а второе – неодушевленное. Данные правила игнорируют также парадигматические различия между существительными с формами обоих чисел и существительными singularia tantum , между глаголами переходными, и непереходными (т.е. имеющими формы страдательных причастий и не имеющими их) и т.п., если только не возникает необходимости поступить иначе по соображениям, имеющим отношение к формальной структуре словоформ (см. об этом ниже).

Как известно, в русских словарях принято представлять парадигмы слов в виде сокращенных указаний на определенные неисходные словоформы, которые даются при исходных – заглавных – словоформах. Количество таких указаний зависит от степени нестандартности парадигмы: для стандартных

x) Ср.: А.А.Зализняк. Русское именное словоизменение.М.,1967,стр.106–107.

в морфологическом и акцентном отношении слов требуются минимальные указания, для нестандартных – те или иные добавления к минимуму. Все толковые словари современного русского литературного языка следуют этому общему принципу, но ни один не проводит его сколько-нибудь последовательно. Данная работа претендует на такую последовательность.

Следует особо оговорить, что в разработанной здесь инструкции предусмотрены для определенных случаев избыточные указания на словоформы, не отклоняющиеся от морфологического и акцентного стандарта. Этими указаниями снабжаются слова с основами такой формальной структуры, которая в принципе допускает реализацию и другой – нестандартной – системной возможности. Если не прибегать к избыточным указаниям, в ряде случаев возникают весьма нежелательные "фигуры умолчания".

Далее следуют правила словарной фиксации состава парадигм трех основных частей речи – существительных, прилагательных и глаголов.

I. Существительные

У большинства существительных, различающих формы числа, исходной словоформой признается им.п.ед.ч. В им.п.мн.ч. в качестве исходной формы приводятся существительные с обратной маркированностью форм числа (названия парных предметов, названия народов и др.).

При им.п.ед.ч. всегда приводится форма род.п.ед.ч. У большинства существительных, имеющих стандартное склонение и неподвижное ударение, род.ед. представляет все неисходные словоформы парадигмы единственного и множественного числа.

У существительных с обратной маркированностью форм числа при исходной форме – им.мн. – всегда приводится род.мн. и, кроме того, им. и род.п.ед.ч.; последнее указание отличает их от существительных plura-lia tantum.

Несклоняемые существительные снабжаются пометой нескл. и указанием грамматического рода. Род указывается также для тех существительных, у которых он не определяется однозначно парадигмой – для существительных с исходной формой на –а мужского и общего рода.

Примечание. Форма род.ед. при исходной форме во всех случаях сигнализирует о склоняемости слова и тем самым – о принадлежности его к существительным. При исходных формах с нулевой флексией форма родительного падежа дополнительно информирует о типе парадигмы (при формах с основами на мягкие и шипящие согласные: недоросль, -я и водоросль, -и), об ударении (олень, -я и ячмень, ячменя). При исходных формах с ненулевыми флексиями (-а, -о) она не сообщает дополнительных сведений об устройстве парадигмы и ее акцентуации. Выбор формы родительного единственного как представителя всех неисходных форм является данью тра –

диции, но попытка найти другую, более информативную форму не приводит к успеху: при исходных формах на -а было бы целесообразно всегда приводить форму вин.ед. (которую в ряде случаев приходится приводить дополнительно к родительному; см. об этом дальше), но эта форма не годится для существительных, исходные формы которых имеют нулевые флексии; у существительных с исходными формами на -о ни одна форма косвенных падежей не сообщает дополнительных морфологических или акцентологических сведений. Таким образом, если оставаться в рамках традиционного для русской ликсикографии способа подачи слов, нет оснований отказываться от привычной формы род.ед. как представителя парадигмы.

Дополнительно к форме род.ед. приводятся следующие формы ед.ч.:

1) особые формы партитива - второго родительного падежа (чаёк, чайка, род.$_2$ чайку);

2) особые формы местного - второго предложного - падежа (ад, -а, предл.$_2$ в аду);

3) формы вин.п. существительных на -а, отличающиеся по ударению от остальных форм ед.ч. (вода́,-ы́, вин.во́ду);

4) формы твор.п. существительных женского рода на -ь, отличающиеся по ударению от остальных форм ед.ч. (глушь, глуши́, тв.глу́шью).

Говоря о подаче форм множественного числа, следует рассмотреть отдельно: 1) случаи, когда нужно дать сведения об образовании и акцентуации всей подпарадигмы мн.ч., 2) случаи, когда нужно привести формы род.пад.мн.ч.

1. Сведения о подпарадигме множественного числа.

Подпарадигму мн.ч. необходимо приводить в следующих случаях:

1) когда она отличается от ед.ч. своим ударением;

2) когда она образуется нестандартно (с нерегулярными чередованиями, наращениями основы, супплетивно).

Подпарадигма мн.ч. может быть представлена в словаре двумя (им.и род.) или тремя (им., род. и дат.) падежами, последнее - в тех случаях, когда она приводится ради ударения и форма род. мн. имеет нулевую флексию (например: беда́,-ы́, мн. бе́ды, бед, бе́дам).

Если приводить подпарадигму мн.ч. только в указанных двух категориях случаев, в словаре последовательно не будут различаться парадигмы существительных singularia tantum и существительных с неподвижным ударением (схемы а и ъ - по А.А.Зализняку) и стандартным склонением, имеющих формы обоих чисел. Ср., например, как даются в АО-59[x] (где принят именно такой принцип приведения подпарадигмы мн.ч.) существительные зара́за и берёза, возня́ и фата́: во всех случаях указана только

---

x) Здесь и далее так обозначен словарь-справочник "Русское литературное произношение и ударение", М., 1959.

форма род.ед., хотя первое слово каждой пары не имеет форм мн.ч., а второе имеет подпарадигму мн., совпадающую по ударению с ед. При условии, что пользующемуся словарем известна "содержательная" разница между словами типа возня и фата, он поймет, что во втором случае в словаре содержится неявное указание на стандартно образуемые формы мн.ч., не отличающиеся акцентуационно от ед.

Такая "фигура умолчания" оказывается в ряде случаев нежелательной. Интуитивное ощущение этого при составлении АО-59 вызвало ряд избыточных указаний форм мн.ч. (что даже оговорено в предисловии). Например:

конура́, -и́, мн. конуры́, кону́р, конура́м

шлюз, -а, мн. -ы, -ов

Здесь дано в явной форме то, что в неявной форме было бы выражено род.ед. (как полагалось бы по общему правилу). В сомнительных случаях польза таких избыточных указаний очевидна, но сама "сомнительность" не может быть положена в основу правил, регулирующих приведение таких указаний. Эти правила должны ориентироваться на формальную структуру слов.

Речь, собственно, идет о том, чтобы приводить подпарадигму мн.ч. в явной форме во всех тех случаях, когда схемы неподвижного ударения a и b оказываются проницаемыми для определенных схем подвижного ударения: a для c, b для d. Эта проницаемость и определяется формальной структурой слов.

Далее следуют правила приведения подпарадигмы мн.ч. для морфологически стандартных существительных со схемами ударения a и b.

1. У существительных со схемой ударения a подпарадигма мн.ч. приводится в следующих случаях.

1. Если исходная форма имеет нулевую флексию

а) при односложной форме:

взор, -а, мн. -ы, -ов

быль, -и, мн. -и, -ей;

б) при двусложной начальноударной форме:

ре́бус, -а, мн. -ы, -ов

жи́дкость, -и, мн. -и, -ей;

Примечание. Не приводятся формы мн.ч. у слов такого строения на -ик (тра́гик, жу́лик, пра́здник, сы́щик), на -й (ге́ний, ра́тай) и нек.др., практически непроницаемых для подвижного ударения схемы c.;

в) при трехсложной начальноударной форме существительных жен.р. на -ь:

и́згородь, -и, мн. -и, -ей;

г) при трехсложной серединноударной форме существительных муж.р.

на -ер, -ор и нек.др.:

дикта́тор, -а, мн. -ы, -ов.

2) Если исходная форма имеет флексию -о - при двусложной форме:

сто́йло, -а, мн. сто́йла, стойл, сто́йлам.

Примечание. При исходных формах с флексией -а формы мн.ч. никогда не приводятся, так как такая исходная форма однозначно сигнализирует схему ударения а.

2. У существительных со схемой ударения ъ подпарадигма мн.ч. приводится в следующих случаях.

1) Если исходная форма имеет нулевую флексию - при односложной форме:

царь, царя́, мн. -я́, -е́й.

2) При всех исходных формах с флексией -о:

вещество́, -а́, мн. вещества́, вещества́, веществам.

Примечание: практически большинство существительных на -о, имеющих схему ударения ъ, относятся к singularia tantum

3) При всех исходных формах с флексией -а́:

бахча́, -и́, мн. -и́, -е́й

колея́, -и́, мн. колеи́, колей, колея́м.

2. Сведения об образовании форм родительного падежа множественного числа

Формы род.мн. необходимо приводить: 1) когда они образованы при помощи нестандартных флексий, 2) когда использование нулевой флексии сопровождается появлением беглой гласной.

1) Нестандартными с точки зрения выбора флексии являются:

а) формы с нулевой флексией существительных муж.р. (грамм, сэпог, партизан, башкир и т.п.); в этом случае стандартной является флексия -ов;

б) формы с флексией -ов существительных ср.р. с основами не на мягкие и шипящие согласные (болотцев, платьев): в этом случае стандартной является нулевая флексия;

в) формы с флексией -ей существительных с исходными формами на -о, и -а (-е и -я) и основами на мягкие и шипящие согласные, имеющих подпарадигму мн.ч. с неударными флексиями (ве́чей, ю́ношей, офе́ней); в этом случае стандартной является нулевая флексия. (Флексия -ей является стандартной тогда, когда такие существительные имеют в косвенных падежах мн.ч. ударные флексии: море́й, поле́й, западне́й, паше́й; иными словами, у существительных на -а и -о стандартной является только ударная флексия -е́й.)

Примечание. Нестандартными с точки зрения выбора флексии являются также формы с нулевой флексией существительных на -а и -о с основами на мягкие и шипящие согласные, имеющих в косвенных падежах мн.ч. ударные флексии (плеч, деревень, простынь), но о них нет необходимости говорить в этой части инструкции, так как фиксация в словаре таких форм полностью обеспечивается правилами приведения подпарадигмы мн.ч.

2) Беглая гласная в словоформах род.мн. с нулевой флексией регулярно появляется у существительных с основами на согласную + к (за исключением формы ласк от ласка - "проявление нежности") и с основами на согласную + j. В других случаях может реализоваться одна из двух морфонологических возможностей, ср.: свадьба - свадеб и просьба - просьб.

Если приводить в словаре только формы род.мн. с нестандартными флексиями и с беглыми гласными (и, естественно, все вариативные случаи), останется место для тех неясностей, о которых говорилось в связи с выработкой правил приведения подпарадигмы мн.ч. Целесообразно и для род.мн. создать правила, обеспечивающие избыточные указания во всех случаях, когда в языковой системе заложена возможность использования разных морфологических и морфонологических средств. Приводимые далее правила ориентируются на формальную структуру слов, но в одном случае приходится принимать во внимание семантику. Следует оговорить, что эти правила имеют практическое значение только для тех существительных, у которых исходными признаются формы им.ед. и при этом не должна быть приведена подпарадигма мн.ч. (например, нестандартная форма башкир попадает в словарь уже потому, что это существительное дается в им.мн., а форма вёсен с беглой гласной входит в подпарадигму мн.ч., подлежащую фиксации в словаре).

Далее следуют правила словарной фиксации форм род.п.мн.ч. существительных.

Формы род.мн. приводятся:

1) у существительных муж.р. тех семантических групп, в которых получили распространение формы с нулевой флексией (единицы измерения, названия родов войск, названия народов и др.);

2) у существительных с исходными словоформами на -о и -а (-е и -я) если их основы оканчиваются на мягкие или шипящие согласные;

3) у существительных с исходными словоформами на -о и -а (-е и -я), если их основы имеют такое строение, при котором возможно появление беглой гласной.

Этими правилами обеспечивается приведение в словаре, например, таких избыточных форм: кулонов (ед.измер.), жилищ, кастрюль, встреч, просьб.

Примечание. Условие, сформулированное в п.3, можно истолковать по-разному. Какое строение основы является морфонологической предпосылкой появления беглой гласной? Очевидно, что такой предпосылкой является конечное консонантное сочетание. Но известно, что ряд сочетаний согласных совершенно исключает появление беглых гласных (например, "согласная + д", "согласная + з", см. словоформы веранд, гильз). В то же время мы не располагаем точным научным критерием для разграничения конечных консонантных сочетаний, представленных в основах существительных, с точки зрения возможности-невозможности появления беглых гласных. Можно ориентироваться на реальную представленность словоформ с беглыми гласными при определенных типах консонантных сочетаний; тогда в словарь попадут, например, словоформы просьб, служб (поскольку есть свадеб) и не попадут словоформы типа веранд, гильз. Но возможно и другое решение - приводить в словаре все словоформы род.мн. с конечными сочетаниями согласных. Это означает более абстрактное понимание морфонологических предпосылок появления беглых гласных. При этом количество избыточных форм будет больше, но фиксация их в словаре в явной форме имеет еще одно дополнительное оправдание. Как показывает исследование В.Н.Топорова (см.сборник "Фонетика. Фонология. Грамматика". М., 1971), словоформы с конечными консонантными сочетаниями представляют особый интерес с точки зрения изучения дистрибуции фонем в конце слова.

В словаре должны быть отмечены случаи неупотребительности и малоупотребительности форм род.мн.; неупотребительными являются, например, словоформы *тамад (от тамада), *чет (от чета), *башок (от башка); малоупотребительны словоформы кочерег (от кочерга), тахт (от тахта), чалм (от чалма) и т.п. Как видно из примеров, попадание в словарь таких форм род.мн. обеспечивается правилами приведения подпарадигмы им.ч., а не правилами приведения род.мн.

Примечание. Неупотребительность или малоупотребительность ряда форм род.мн. связана с ударением. Существительные с исходными формами на -а и основами не на мягкие и шипящие согласные могут образовать род. мн. только с нулевой флексией. У существительных со схемой ударения b образование этих форм должно сопровождаться механическим сдвигом ударения с флексии на последний слог основы или замещением ударения на флексии ударением на беглой гласной. То и другое происходит в языке недостаточно автоматично, о чем свидетельствует неприемлемость таких форм, как *тамад и *башок.

II. Прилагательные

Максимальный набор словоформ прилагательного состоит из трех подпарадигм:

1. Полные формы.
2. Краткие формы.
3. Сравнительная степень.

Последняя подпарадигма всегда состоит из одной формы. Образования на -ейший, -айший есть основания не считать формами превосходной степени и, следовательно, не признавать членами парадигмы прилагательных, от которых они образованы, а приводить как особые слова, отдельно на своем алфавитном месте.

1. Подпарадигму полных форм представляет исходная форма – им.п. муж.р., при которой приводятся флексии жен.и ср.р. Семантическая сомнительность отдельных родовых форм (например, муж.и ср.р. таких прилагательных, как беременный, жеребый) не должна приниматься в расчет.

2. Подпарадигма кратких форм приводится полностью у прилагательных с подвижным ударением и у прилагательных с неподвижным ударением с односложной основой, проницаемых для подвижности; в остальных случаях даются сокращенные указания на муж. и жен.р. Например: ва́жный, кр.ф. ва́жен, важна́, ва́жно, важны́ и ва́жны; интересный, кр.ф. -сен, -сна.

3. Сравнительная степень приводится:

1) когда она образуется с суффиксами -е и -ше или супплетивно (строже, тоньше, лучше);

2) у прилагательных с подвижным ударением и у прилагательных с неподвижным ударением с односложной основой (бедне́е, внятнее).

В той и другой группе многие прилагательные не образуют сравнительной степени (например, громоздкий, маркий, здравый, куцый) или имеют формы, которые приходится характеризовать как малоупотребительные. Неупотребительность и малоупотребительность форм сравнительной степени должна отмечаться в словаре.

Ш. Глаголы

В одной словарной статье приводится набор словоформ, образуемых от одной формы инфинитива – (соответствующего вида и возвратности). Максимальный набор таких словоформ (не считая исходной) следующий:

1. Подпарадигма настоящего-будущего времени.
2. Форма повелительного наклонения.
3. Подпарадигма прошедшего времени.
4. Действительное причастие настоящего времени.
5. Действительное причастие прошедшего времени.
6. Страдательное причастие настоящего времени.
7. Страдательное причастие прошедшего времени.
8. Деепричастие.

Далее устанавливается порядок подачи каждого из членов этого набора в зависимости от морфологического и акцентного типа глагола. При этом в основу положена следующая морфологическая классификация глаголов (указываются формальные показатели классов – темы):

I а̲j – а̲ (чита̲j – чита̲)

II е̲j – е̲ (беле̲j – беле̲)

III (ов)а̲ – (у̲j)∅ – т.е. тема а̲, чередующаяся с нулем, которой предшествует суффиксальный элемент ов, чередующийся с у̲ (рисова̲ – рису̲j)

IV и - Ø (сторожи - сторож)

V (н)у - (н)Ø - т.е. тема у, чередующаяся с нулем, которой предшествует суффиксальный элемент н (крикну - крикн).

VI а - Ø (писа - пиш)

VII е/а - Ø - т.е. тема, выступающая в зависимости от морфонологических условий то в виде е, то в виде а, чередующаяся с нулем (сиде - сид', крича - крич).

VIII ну - нØ - Ø (мёрзну - мёрзн - мёрз)

IX атематические глаголы с основами на согласные (типа нести, грести, мести, брести, беречь, печь).

Классы I - V продуктивные, классы VI-IX непродуктивные. За пределами этих классов остается примерно 60 глаголов, образующих небольшие непродуктивные группы или единичных

1. Подпарадигма настоящего-будущего времени.

У подавляющего большинства личных глаголов эту подпарадигму представляют формы 1-го и 3-го лица ед.ч. Большее количество форм приводится только у глаголов с аномальным спряжением. У безличных глаголов дается форма 3-го ед. и помета безл.

Примечание. Традиционными для русских словарей представителями подпарадигмы настоящего-будущего времени являются формы 1-го и 2-го лица ед.ч. Но так как место в системе глагольных словоформ у 2-го и 3-го лица совершенно одинаково и в то же время 3-е лицо имеет то преимущество, что всегда реально употребительно, целесообразно заменить 2-е лицо 3-им.

Семантическая сомнительность форм 1-го и 2-го лица (например, таких глаголов, как телиться, течь, меркнуть) не должна приниматься в расчет. Морфонологическая невозможность или малоупотребительность форм 1-го ед. должна отмечаться: победить, 1 ед.неуп.; каверзить, каверзу (малоуп.).

2. Форма повелительного наклонения.

Ни одно из описаний русской морфологической системы не содержит достаточно точных правил образования форм повелительного наклонения, поэтому здесь этот вопрос рассмотрен детальнее других.
В существующие в грамматической литературе правила образования императива внесены уточнения, основанные на анализе исчерпывающего материала.

Для установления того, какие формы императива являются регулярными, надо учитывать: 1) морфонологический вид основы, 2) ударение, 3) правила выбора флексии - нулевой или -и - в неударном положении.

1) С точки зрения морфонологического вида основы регулярными являются формы, имеющие ту же ступень чередования, что и 2-3 л.ед., 1-2

л.мн.наст.-буд. (практически удобно ориентироваться на 3-е ед.).

2) Акцентуационно регулярны формы, совпадающие по ударению 1 ед. наст.-буд. При этом ударной флексии -у́ должна соответствовать ударная флексия -и́, а неударной флексии -у - нулевая флексия, за исключением оговоренных далее случаев.

3) Неударная флексия -и регулярно выбирается: а) у глаголов, имеющих перед этой флексией группу согласных, из которых последняя сонорная; б) у глаголов с ударной приставкой вы́-, если исходные глаголы имеют ударную флексию -и́ (вы́веди - ср. веди́, вы́говори - ср. говори́). При некоторых других условиях (см. дальше) выбор между нулевой флексией и неударной флексией -и оказывается нестрогим и возникают вариативные формы.

Примеры регулярных форм: чита́й (ср. чита́ю, чита́ет), ослабе́й (ослабе́ю, ослабе́ет), нарису́й (нарису́ю, нарису́ет), отруби́ (отрублю́, отру́бит), покра́сь (покра́шу, покра́сит), вспо́мни (вспо́мню, вспо́мнит), тяни́ (тяну́, тя́нет), крикни (крикну́, крикнет), пиши́ (пишу́, пи́шет), мажь (ма́жу, ма́жет), верти́ (верчу́, ве́ртит), крепи́ (креплю́, кре́пит), неси́ (несу́, несёт), коли́ (колю́, ко́лет), стань (ста́ну, ста́нет), подними́ (подниму́, подни́мет), брей (бре́ю, бре́ет).

Фиксации в словаре подлежат следующие нерегулярно образуемые и вариативные формы.

1) Формы хуй, клюй, куй, блюй, плюй, снуй, суй; стой; смейся; бей, вей, лей, пей, шей; пой - со всеми приставочными (регулярными были бы формы - "хуи́", "стои́", "смейсь", "бьи", "пои́" - ср. хую́, стою́, смеюсь, бью, пою́).

2) Формы на -давай, -знавай, -ставай (ср. -даю, -знаю, -стаю).

3) Формы тех глаголов, у которых в пределах подпарадигмы наст.-буд. основа выступает в двух видах - с задненебной и с шипящей: пеку́ - печет, лгу - лжет, бегу - бежит. В императиве выступает основа на задненебную (а не на шипящую, как в 3 ед.): пеки, лги, беги, ляг, помоги и т.п.

4) Формы глаголов VI класса, имеющих тенденцию к параллельному оформлению подпарадигмы наст.-буд. по I классу (машет - махает) или по IV классу (сыплет - сыпит)[x]. При этом соотношение вариантов импера-

x) Принятые в современной практике написания сыпет - сыпят морфологически неоправданны. Если писать сыпит, разговорный вариант подпарадигмы наст.-буд. глагола сыпать приобретает "нормальный" вид: сыплю - сыпит - сыпят соотносятся так же, как соответствующие словоформы любого глагола IV класса с основами на губные (правлю - правит - правят, граблю - грабит - грабят, насуплю - насупит - насупят и т.п.).

тива может быть не таким, как в других формах; например, форма махай, повидимому, "нормативнее", чем махает, а при вариантах сыплет - сыпит есть только сыпь.

5) Вариативные формы с нулевой флексией и неударной флексией -и. Вариативность может возникнуть при наличии одного из следующих формальных условий.

а) Флексии императива предшествуют <щ>, <ж,> или группа согласных, из которых вторая - не сонорная: таращи - тарашь, почисти - почисть, навакси - навакшь.

б) Ударение в глаголе падает не на последний слог корня (т.е.части основы без тематического элемента): застóпори - застóпорь, увéдоми - увéдомь, откýпори - откýпорь, разжáлоби - разжáлобь. Этим условием определяется вариативность форм глаголов с ударной приставкой вы-, образованных от исходных глаголов, имеющих регулярные формы императива с нулевой флексией: вы́броси - вы́брось (ср.брось), вы́суни - вы́сунь (ср. сунь), вы́нахи - вы́нахь (ср. нахь). (Ср.выше в п.3 - при указании признаков регулярных форм - то,что сказано о формах типа вы́веди.) Следует оговорить,что условие б) не существенно для глаголов I, II, и III классов (см., например, формы ýжинай, пáмятуй, в которые не проникает неударная флексия -и).

6) Формы дай, ешь (и приставочные), поезжай - к ехать.

Должны быть отмечены случаи отсутствия форм императива (например, от гнить, видеть).

3. Подпарадигма прошедшего времени.

Эта подпарадигма приводится:

1) у глаголов, имеющих в этой подпарадигме подвижное ударение (брал - брала́ - бра́ло - бра́ли, зáмер - замерлá - зáмерло - зáмерли и т.п.);

2) у глаголов, относящихся к УШ и IX классам (намок, намокла; привел, привела; привез, привезла; сберег, сберегла и т.п.);

3) у глаголов тереть, есть, идти, -шибить.

4. Действительное причастие настоящего времени.

Эта форма приводится:

1) у глаголов, имеющих в подпарадигме наст.-буд. подвижное ударение; при этих условиях глаголы IУ класса имеют как правило формы причастий с ударением на суффиксе (варю́, ва́рит - варя́щий; переноси́ть, перенбсит - перенося́щий), реже - формы с ударением на основе или с колебанием ударения (руби́ть, ру́бит - рубящий; дели́ть, де́лит - де́лящий и деля́щий), глаголы УП класса имеют формы причастий с тем и другим ударением (вер-

тя́щий, держа́щий, те́рпящий, ды́шащий), глаголы остальных классов и групп (относящихся к I спряжению) имеют формы причастий с ударением на основе (тя́нущий, ди́жущий, ко́лющий, бо́рющийся и др.) – за исключением формы могу́щий (от мочь);

2) у глаголов, относящихся к VI классу, с основами не на j; эти формы нужны с точки зрения демонстрации чередований (режущий, прячущий, плачущий);

3) у глаголов есть, хотеть, бежать (формы еда́щий, хотя́щий, бегу́щий).

5. Действительное причастие прошедшего времени.

Эта форма приводится:

1) у глаголов, имеющих в подпарадигме прош.времени формы муж.и ср.р. и мн.ч. с ударением на приставке (типа про́был, про́было, про́были); существует тенденция проникновения такого ударения в формы причастий на -вший и деепричастий на -в(ши), в результате чего появляются неправильные варианты форм типа про́бывший, про́быв; этим диктуется необходимость словарной фиксации всех форм причастий на -бывший, -вивший, -давший, -живший, -клявший, -ливший, -мерший, -перший, -пивший, -пявший, -чавший, -нявший с теми приставками, которые бывают ударными в указанных формах прошедшего времени (пробы́вший, отда́вший, нажи́вший, прокля́вший, поня́вший, нача́вший и т.п.);

2) у глаголов, образующих это причастие с непродуктивным суффиксом -ш- или вариативно; таковы глаголы VII и IX классов и глаголы тереть, есть, идти, -шибить (а также переть, мереть, попадающие и в.п. 1); см.,например, формы: намокший, подвергший, несший, терший, ведший, шедший, расшибший.

6. Страдательное причастие настоящего времени.

Эти причастия свободно образуются от глаголов I и III классов (читаемый, рисуемый). Существует мнение, что они не образуются от глаголов I класса, "относящихся к бытовой лексике и обозначающих конкретные действия" (например, "теряемый", "кушаемый", "стираемый" и нек. др.). Но это ограничение не морфологического, а стилистического характера, не препятствующее признанию причастий на -аемый, -уемый образующимися регулярно и, следовательно, не нуждающимися в словарной фиксации.

Сложнее обстоит дело с причастиями от глаголов IV класса (на -имый). С одной стороны, круг реально употребляемых форм такого типа настолько узок, что их невозможно считать образуемыми свободно; с другой стороны, ограничения в их образовании не являются морфологическими. Очевидно, эти формы нуждаются в словарной фиксации.

От остальных глагольных классов и групп страдательные причастия настоящего времени не образуются свободно, и немногочисленные реально существующие формы должны быть приведены в словаре (например, гонимый, колеблемый, ведомый, влекомый и др.).

7. Страдательное причастие прошедшего времени.

1) Формы глаголов несовершенного вида.

Как известно, эти формы последовательно отсутствуют у вторичных глаголов несовершенного вида - типа переписывать, завязывать.

Наличие страдательных причастий прошедшего времени у первичных глаголов несовершенного вида, т.е. у большинства бесприставочных глаголов, весьма проблематично. Не раз отмечалось, что отглагольные образования, употребляемые в контекстах типа: повозки, груженные дровами; волосы, стриженные ежиком; улица, мощенная булыжником и т.п., не являются причастиями, а употребление этих образований в конструкциях, которые бы не оставляли сомнений в их причастном характере (волосы, стриженные недавно парикмахером) выглядит искусственно. Если не признавать такие образования членами парадигмы соответствующих глаголов, в словарных статьях глаголов варить, грузить, красить, плести и т.п. не должны приводиться формы вареный, крашенный, груженный, плетенный. В виде отдельных словарных статей на своем алфавитном месте должны быть приведены отглагольные прилагательные (типа вареный, груженый, плетеный, моченый, крученый и т.п.).

2) Формы глаголов совершенного вида.

Эти причастия приводятся в словаре за исключением следующих случаев:

1) форм с суффиксом -ин- от глаголов I, Ш, УI классов с неударной темой (типа приду́манный, испро́бованный, спря́танный);

2) форм с суффиксом -енн- от глаголов IУ класса с неударной темой и с конечными согласными основы л, н, р, ж, ч, ш, щ, j (типа нами́ленный, заподо́зренный, уничто́женный, разру́шенный, успоко́енный);

3) форм с суффиксом -т- от глаголов У класса с неударной темой (типа опроки́нутый, затиснутый).

Во всех этих случаях причастий сохраняют ударение инфинитива (и всей глагольной парадигмы); в случае 2 оказывается невыявленным чередование согласных, вызываемое суффиксом -енн- и обнаруживающееся при других конечных согласных основы (ограбить - ограбленный, разгладить - разглаженный, покрасить - покрашенный и т.п.). При этих морфонологических условиях - полной неподвижности ударения и отсутствии чередований - образование причастий оказывается застрахованным от формальных ограничений.

Фиксации в словаре подлежат, например, формы: прочи́танный (ср. прочита́ть), завербо́ванный (завербова́ть), напи́санный (написа́ть), раскуре́нный (раскури́ть - раску́рит), разве́рнутый (развернуть) и т.п. Конечно, в словаре приводятся все причастия с подвижным ударением в кратких формах, с колебанием ударения, с незакономерно выбранным суффиксом. Практически это означает, что должны быть зафиксированы все причастия от глаголов П, УП, УШ, IX классов и непродуктивных групп.

8. Деепричастие.

1) Деепричастия от глаголов несовершенного вида.

Эти деепричастия свободно образуются от глаголов I, П, Ш, IУ и УП классов (читая, владея, рисуя, партизаня, вертя, крича). Такие формы не должны фиксироваться в словаре (за исключением аномальных в акцентном отношении форм стоя́, сидя́, гляди́, лёжа).

У глаголов IX класса эти деепричастия образуются регулярно от основ не на задненебные: неся, ведя, гребя (за исключением глагола лезть) и последовательно отсутствуют у глаголов с основами на задненебные согласные: *бережа - *берегя, *печа - *пекя и т.п. Очевидно, у глаголов этого класса должны быть последовательно приведены формы деепричастий и даны указания об их неупотребительности (последнее - у глаголов на задненебные и у глагола лезть).

У глаголов УI класса деепричастия несовершенного вида образуются с ограничениями (этих форм нет или они сомнительны, например, у глаголов писать, резать, вязать). Здесь следует последовательно приводить формы деепричастий или давать указания об их неупотребительности.

У глаголов УШ класса (мерзнуть, сохнуть) и у немногочисленных глаголов У класса несовершенного вида (гнуть, льнуть, тонуть, тянуть) деепричастия последовательно отсутствуют. Очевидно, неупотребительность этих форм должна отмечаться в словаре.

Среди глаголов непродуктивных групп деепричастия несовершенного вида образуют лишь немногие. Эти формы должны быть приведены в словаре, неупотребительность форы также должна быть отмечена.

2) Деепричастия от глаголов совершенного вида.

Из числа деепричастий с продуктивным суффиксом -в (присоединяемым к основам на гласные) приводятся только те формы, которые представляют интерес в акцентном отношении; это формы тех глаголов, от которых прилагаются действительные причастия прошедшего времени на -вший (см.п.1 соответствующего раздела инструкции); например, должны быть приведены в словаре формы отда́в, поня́в, нача́в.

Должны быть приведены в словаре все формы деепричастий от глаголов совершенного вида, образуемые с помощью непродуктивных суффиксов -ши и-я: влезши, запасши, сберегши, привлекши, принеся, приведя и т.п. Практически это означает, что должны быть приведены формы от всех глаголов IX класса, от глагола идти, а также от глаголов -мереть, -переть, -тереть, простереть, имеющих параллельные образования с -в и -ши от разных вариантов основ (простерев-простерши) и только формы на -шись (простершись). Следует привести деепричастия и от глагола -шибить, так как у него в инфинитиве и в прошедшем времени выступают разные варианты основы (шиби- и шиб-).

Особо следует сказать о глаголах УШ класса. Невозвратные глаголы этого класса образуют формы с продуктивным суффиксом -в: привыкнув, замерзнув, подвергнув (изредка встречающиеся формы типа привыкши, замерзши, подвергши могут, очевидно, не приниматься во внимание). Возвратные глаголы образуют деепричастия с непродуктивным суффиксом -ши от варианта основы без -ну-: смерзшись, слипшись, разверзшись. Эти последние формы обязательно должны быть приведены в словаре. Что касается невозвратных глаголов, то отсутствие при них форм деепричастий могло бы служить неявным указанием на формы типа замерзнув, однако нестандартность соотношения форм без -ся и с -ся (разверзнув - разверзшись) склоняет к тому, чтобы приводить все формы деепричастий от глаголов УШ класса в явном виде.

Примечание. В словаре нет необходимости учитывать возможность образования следующих форм деепричастий от глаголов совершенного вида:

а) форм на -вши (написавши, сказавши, понявши, начавши и т.п.);

б) форм на -я(сь) типа заметя, склонясь, увидя.

Те и другие формы не являются стилистически нейтральными и употребляются главным образом в художественной (преимущественно - в поэтической) речи. Форма на -вши может быть образована параллельно к любой форме на -в. Формы на -я теоретически возможны от любого глагола IУ и УП классов, а от глаголов других классов и групп, имеющих продуктивные формы на -в, встречаются чрезвычайно редко (формы типа переживя, вылья). И те и другие деепричастия представляют собой факультативные варианты, которые могут быть игнорированы при описании основной грамматической системы.

www.ruslang.ru

Х 8628

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА

С.Е.Никитина

О СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Любимому учителю
Александру Александровичу Реформатскому –
к семидесятипятилетию.

Известно, что язык русского фольклора – особенно его поэтической разновидности – существенным образом отличается от современного русского литературного языка как на уровне морфологии и синтаксиса, так и на уровне лексики[1]. Описание этого языка должно включать в себя словарь, где каждое слово описывается и как единица текста со своими устойчивыми связями и противопоставлениями, и как выразитель некоторой регулярной художественной функции. Богатство метафорических замен слова, в том числе веками отработанной символики, обилие несвободных лексических связей – порождение устойчивых поэтических формул – все эти свойства слова языка русского песенного фольклора (ЯРПФ) должны найти отражение в таком типе словаря, устройство которого позволяет представить их в полном и систематизированном виде. Наиболее приемлемым для этих целей нам представляется устройство толково-комбинаторного словаря (ТКС) – семантического компонента модели "Смысл–Текст" разрабатываемого И.А.Мельчуком, А.К.Жолковским и Ю.Д.Апресяном[2]. Задача настоящей статьи – показать, каким образом некоторые принципы ТКС могут быть применены к описанию ЯРПФ и что может дать словарь, построенный по предлагаемой ниже схеме, для описания структуры фольклорных текстов.

В ТКС представление всех типов замен заглавного слова словарной статьи и его несвободных синтагматических партнеров осуществляется при помощи аппарата лексических функций (ЛФ)[3]. ЛФ – стандартный смысл илиссинтаксическая роль, которая имеет при слове-аргументе фразеологически связанное выражение, например ЛФ Magn ('очень') от аплодисменты = бурные, от чай = крепкий, от кричать = во все горло. Именно идея лексической функции и представляется нам весьма плодотворной применительно к описанию ЯРПФ, изобилующему речевыми клише.

Говоря о ЛФ в ЯРПФ, отметим следующие их особенности:

1. Если и в обыденном русском языке на смысловой костяк ЛФ могут

---

1) См., например, И.А.Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора. ВЯ, 1952 г., № 5, а также А.П.Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях 17-20 вв. М-Л, 1963 г.

2) См. И.А.Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей типа "Смысл–Текст". М., 1974, Ю.Д.Апресян. Лексическая семантика, М., 1974, а также многочисленные выпуски предварительных публикаций ЯРП за последние 6-7 лет с образцами словарных статей.

3) И.А.Мельчук, указанное сочинение, стр.78 и далее.

наслаиваться дополнительные признаки слова, которое эту ЛФ выражает (например, горький пьяница - это не просто "очень" пьяница: тут есть ассоциации и со вкусом водки (горькая водка) и с неблагополучием жизни (горькая жизнь)), то для ЯРПФ дополнительные ассоциативные смыслы и экспрессивная нагрузка слов - ЛФ характерны в еще большей степени (ср. буйные ветры народной поэзии и сильный ветер в обыденном языке)

2. В ЯРПФ у слова могут появляться ЛФ, которых у него в обыденном языке нет, например Real (год) =годовать; кроме того, могут происходить смещения реализаций ЛФ: слова, выступающие в обычном языке по отношению к другому слову в одной функции, в ЯРПФ являются выражениями другой функции (см. ниже о постоянном эпитете).

3. В ЯРПФ появляются специфические для него ЛФ, некоторые из них могут проявляться в отрезке большем, чем предложение. Например, глаголу отъезжать /уезжать в тексте обычно предшествуют глаголы собираться, снаряжаться, иногда выступающие и в роли замены глагола отъезжать (см. ниже текст и анализ причета).

Собственно фольклорные ЛФ, по-видимому, следует называть поэтическими лексическими функциями (ПЛФ). Заметим, что для целей синхронного описания языка несущественно, являются ли эти ПЛФ проявлением поэтической направленности текста или остатками норм древнерусского языка, сохранившимися в фольклорных текстах[1].

Работа по составлению словаря ЯРПФ с использованием принципов ТКС имеет ряд специфических трудностей по сравнению с работой над ТКС русского языка. Если в последнем эксплицируется интуиция носителя языка и работа с текстами в большинстве случаев нужна лишь для подтверждения знаний лингвиста, то составитель словаря фольклора работает с "неродным" языком, в котором далеко не все устойчивые связи заранее очевидны. Поэтому для описания слов необходима предварительная большая текстологическая работа, включающая статистику, хотя бы самую примитивную - например, для выделения группы постоянных эпитетов в определенном жанре[2]. Трудность работы с "неродным" языком усугубляется тем, что хотя фольклорные тексты и можно в некотором смысле считать текстами одного автора, язык этого "автора" существует в нескольких территориаль-

---

1) Об отражении норм древнерусского языка в языке фольклора ,см. А.П.Евгеньева "Очерки..."

2) См., например, А.Т.Хроленко. О жанровой специфике лексики русского фольклора. Уч.зап.Курского пед.ин-та, т.72, 1970, его же, О количественном методе изучения языка русского фольклора. Краткие очерки по русскому языку, вып.4, Курск, 1971.

ных разновидностях, что тоже требуется учитывать при составлении словаря - здесь нет нормы, на которую ориентируется составитель ТКС русского литературного языка.

Другая трудность состоит в отсутствии стандартных метаязыков для описания смысла песенных фольклорных текстов на уровне сюжетов или мотивов и на непосредственно языковом уровне. Если для сюжетного уровня сказки варианты метаязыка разрабатывались, начиная с работ В.Я.Проппа (названия его функций являются метаязыковой терминологией) и кончая исследованиями последнего времени[1], то для обрядовой и лирической песни нет и намека на такой язык. Отчасти это объясняется относительной бессюжетностью этих жанров. А между тем, например, составление списка символов песенного фольклора и их стандартных "эквивалентов" - объяснений на русском литературном языке уже явилось бы этапом в создании такого метаязыка. В словаре предложенного типа эти "эквиваленты" должны заменить собой толкования слов.

В общем виде словарь ЯРПФ представляется так:

Материалом для словаря служат слова, которые, регулярно выполняя какие-то художественные функции (например, будучи словами - символами, словами, типизирующими описание, признаками жанра, выразителями основных семиотических оппозиций), являются, тем самым, ключевыми словами определенной совокупности текстов. Именно такие слова "обросли" парадигматическими и синтагматическими партнерами - реализациями различных ПФ.

Словарь разделен на тематические рубрики. Возможно, что разбиение слов по самым крупным зонам будет совпадать с разделами, предложенными Т.В.Цивьян для семантического словаря сказки[2]. Вот каким нам представляется фрагмент "предметной" части словаря, заданный списком (список не претендует на полноту, а является иллюстрацией к названию рубрики):

Дом, его части и интерьер: терем, палаты, дом, изба; двор, сад, баня, конюшня; сени, крыльцо, светлица, горница; ворота, дверь, окно, стена, кут/угол, печь; стол, лавка, кровать, сундук, ларец; изголовье, перина, чаша, блюдце, зеркало...

Пространство вне дома: дорога, путь, чужая сторона; лес, поле, река, море, луг; берег, мост, камень...

---

1) В.Я.Пропп. Морфология сказки, Л., 1928, см.также Е.М.Мелетинский, С.Е.Неклюдов, Е.С.Новик, Д.М.Сегал "Проблемы структурного описания волшебной сказки. Труды по знаковым системам, вып.4, Тарту, 1969; они же. Еще раз к проблеме структурного описания волшебной сказки, Труды по знаковым системам, вып.5, Тарту, 1971.

2) Т.В.Цивьян. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке. Типологические исследования по фольклору, М., 1975.

Силы природы: солнце, луна, звезды, ветры, туча, гром, вода, огонь....
Растительный и животный мир: дуб, рябина/калина, ракитов куст, яблоня, виноград, смородина, изюм, цветы, трава; волк, заяц, горностай, куна; лебедь, утица, голубь, селезень, сокол, ласточка, гуси, кукушка, соловей, канарейка...
Названия людей: молодец, девица, молодка/молодушка, старик...
Термины родства: мать, отец, муж, жена, свекор, свекровь...
Части и параметры человеческого тела: тело, голова, плечи, руки, ноги, грудь, сердце; кудри, очи, брови, коса; голос, походка...
Атрибуты человеческой деятельности: конь, лук, стрела, невод, ведра, коромысла, телега, сани, гусли, плеть...
Пища и питье: яства, питье; пироги, блины, пряники, каша, пиво, вино...

Заметим, что слова в рубриках связаны между собой различными семантическими связями и отнюдь не представляют понятий одного уровня; приблизительное разделение на уровни мы отмечали точкой с запятой. Идеально было бы отразить в словаре семантическую иерархию слов в тексте, представленную разными способами, например, приемом ступенчатого сужения образа:

Увидала красна девица
Из высокого терема,
Из косящата окошечка[1]

откуда следует, что окно - слово другого уровня по сравнению со словом терем.

Рассмотрим теперь схему словарной статьи - вернее, тех ее пунктов, где, по сравнению с ТКС русского языка, будет проявляться специфика фольклорного слова.

1. Заглавное слово. Дается во всех встречающихся в тексте морфологических вариантах, например, сторона, сторонка, сторонушка. Толкованием слова служит его перевод на метаязык, если такой перевод необходим, т.е. если слово не совпадает с словом русского литературного языка. Единицей метаязыка является стандартное выражение русского языка, объясняющее смысл слова. Многие фольклорные слова являются ПФ от метаязыкового выражения; тогда толкованием такого слова является указание соответствующей ПФ и ее аргумента. Например, воля - $Symb$ (символ) понятия 'девичество', част ракитов куст - признак места насильственной смерти - ПФ $Symb_{loc}$ от понятия 'насильственная смерть'. При заглавном слове обязательны пометы жанра и фольклорного диалекта, если это не общефольклорное слово (см., например, о территориальном

1) Все примеры, при которых не дается ссылка на источник, взяты из экспедиционных записей автора статьи.

распределении слог воля - красота в значении 'девичество' в работе А.Р.Гуры[1].

2. Модель управления указывается только в том случае, если она отличается от модели в ТКС.

3. Противопоставленное слово - коррелят с пометой, при каких условиях и по какому признаку противопоставляется. Например, слову сокол противопоставляется слово лебедь с пометами: признак-пол, жанр свадебный; зелен сад противопоставляется темному/дремучему лесу; признак - оппозиция свое - чужое[2], жанр свадебный.

4. Заменители заглавного слова. У некоторых слов очень много заменителей, особенно богата ими свадебная терминология, где для слова невеста, например, можно насчитать до десятка замен, преимущественно метафор: суженая, бела лебедушка, сера утица, куна, калина/рябина, руга, вишенье и т.д. При них указываются условия употребления - контекстные и диалектные.

По-видимому, следует разделить все замены на три вида: - собственно синонимы (Syn), метафоры (Met) и символы (Symb), поскольку в тексте они ведут себя по-разному. Синонимы, кроме того, что замещают заглавное слово, участвуют в смысловых повторах. Смысловые повторы встречаются как в пределах одной строки, где синонимы могут стоять рядом, разделяться союзом или знаменательным словом, например:

Ты бери-возьми мой злачен перстень[3]

или

Там ходила да гуляла
Молодая боярыня,

так и в синтаксических параллелизмах:

Он умел слово молвити,
Он умел речь говорити.

или

Где ж моя сужена посуживает,
Где ж моя ряжена поряживает

где сужена и ряжена - синонимы слова невеста.

Символ не может образовать смыслового повтора, зато он участвует в построении психологического параллелизма:

---

1) А.Р.Гура. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. Фольклор и этнография, Л.,1974.

2) Оппозиция свой/чужой, рассмотренная Т.В.Цивьян на материале сказки, характерна и для других фольклорных жанров, например, свадебных песен. В них в функции границы между своим и чужим миром выступают окно и ворота: невеста из окна видит жениха-чуженина, ворота растворяются, чтобы впустить незваных гостей с чужой стороны.

3) От повторов типа бери-возьми, пора-времечко стоит отличать выражения типа хлеб-соль, отец-мать, злато-серебро, образованные не-синонимами и имеющие другой смысл. Такие выражения должны иметь самостоятельные словарные статьи.

Не вызревши, рябинушку нельзя заломать,
Не вызнавши, хорошую нельзя замуж взять.

В отличие от синонима предметный символ является обычно в окружении своих собственных ЛФ: (калина/рябина - символ девственности, а потому и девушки-невесты, - зреет, краснеет, ее ломают) и, тем самым, заме - щает не одно слово, а весь его контекст. Метафора же может вести себя и как символ, и как синоним. Подобно символу она имеет свои ЛФ и может образовать психологический параллелизм, из которого вырастает песня: бела лебедушка отстает от стада лебединого и пристает к серым гусям - невеста отъезжает от родительского дома в чужую семью. Здесь бела лебедушка ведет себя как символ. Но когда в свадебном причитании говорится:

Уж пойду я, лебедь белая,
По широкой славной улице,
По Егорьевской площадочке
Без природной трубчатой косы,[1]

то здесь лебедь белая - не символ, а лишь поэтический синоним слова невеста, вставленный в контекст последнего.

Парадигматические замены характерны не только для существительных, но и для прилагательных и глаголов; в частности, психологический па - раллелизм, порождающий символы, как отметил А.Н.Веселовский, дает парность представлений прежде всего по категории действия:

Отломилося яблочко от садовой от веточки,
Отъезжала Марьюшка от родимой от матушки,[2]

5. Постоянный эпитет - одна из важнейших ЛФ слова - существи - тельного. С формальной стороны это определение, чаще всего прилага - тельное, предсказываемое определяемым существительным с большой вероят ностью: если хоромы, то высокие, палаты - белокаменные, яства - сахар- ные, очи - ясные. Некоторые слова имеют перевод на метаязык только вместе с постоянным эпитетом - как идиомы: чужая сторона - 'семья мужа', част ракитов куст - Symbloc от'насильственная смерть'.

Конкретная семантика определений может быть самой разной: указание на внешний признак (руки белые, море синее, платье цветное), на мате - риал (калинов мост, зеркало хрустальное, злачен перстень), на способ производства (калена стрела, точеные веретешки) и т.д. и даже вовсе мо- жет быть утеряна во фразеологизмах типа борзый конь и ясён сокол. Опре- деление может повторять смысловые признаки слова (снеги белые, раздолье широкое) вплоть до лексической тавтологии (воля вольная, светлая свет -

1) Лирика русской свадьбы. Л., 1973, стр.230.

2) А.Н.Веселовский. Психологический параллелизм и его формы в ис поэтического стиля. Историческая поэтика, Л., 1940.

лица, горе горькое) и прибавлять новые признаки (сырой дуб, плеть шелковая). Однако анализ семантики определений – постоянных эпитетов, нужный при изучении истории возникновения эпитета, оказывается лишним при описании функции постоянного эпитета в тексте. ПФ независима от семантики определений, постоянна и близка к грамматической функции – скорее актуализатором определяемого понятия в поэтической речи. Постоянный эпитет как бы являет предмет раз навсегда таким, каким ему надлежит быть по своей природе и назначению, что соответствует общей тенденции фольклора к стабильности и идеализации образов. Функция постоянного эпитета ближе всего к ЛФ Ver. При таком подходе становится понятно, почему Калин-царь сам себя называет собакой (Ver/Калин-царь/ = собака), почему в сербской песне у арапов белые руки (Ver/руки/=белые) и почему нужно поострить саблю острую – всё это факты фольклора, давшие А.Н.Веселовскому основание сказать, что эпитеты охладели и окаменели[1]. Максимальная независимость от конкретной семантики слов делает функцию постоянного эпитета функцией другого, более абстрактного уровня по сравнению с обычными ЛФ. Получается, что некоторые слова выражают две функции, одна из которых определяется семантикой слова, а другая от нее не зависит. Так, буйный ветер и горючие слезы – Magn'ы на одном уровне и Ver'ы на другом.

Разграничение ПЛФ постоянного эпитета и конкретного семантического отношения между определением и определяемым было бы, по-видимому, полезным при переводе русских фольклорных текстов на другой язык. Если цель перевода – найти эквивалент поэтической функции в другом культурном контексте, то эквивалент постоянному эпитету мы должны искать по функции Ver и тогда русский дородный добрый молодец превратится в парня-красавца (făt frumos) румынской поэзии[2]; если же мы хотим найти языковой эквивалент, то должны обратиться к конкретной семантике определения (ср.с переводами пословиц – подстрочниками и эквивалентами).

Постоянные эпитеты должны даваться при слове во всех своих морфологических вариантах, встречающихся в пре- и постпозиции, например, море синее – синё море. Необходимо также указывать жанровую принадлежность эпитетов, не являющихся общефольклорными. В словарной статье самих слов – постоянных эпитетов указываются все слова, ПФ которых они являются, например, ясный – очи, месяц, сокол; сырой – бор, дуб, земля.

---

1). А.Н.Веселовский. Из истории эпитета. Историческая поэтика, М., 1940, стр.73-93.

2) А.Н.Веселовский. Из истории эпитета, стр.76.

Кроме постоянных эпитетов при слове может быть много других определений, выражающих различные функции, например, AntiBon (слово)= =грубое, обидное, непроносное, обманное, напрасное, бранное. Определения могут образовать вместе с заглавным словом идиому, например, бедная/победная, обидная, кручинная, бесталанная/головушка -'лицо, понесшее утрату' [1].

Следующие ЛФ фольклорного слова связаны с обозначением типичных действий, совершаемых предметом (заглавное слово) или совершающихся с ним. В языке фольклора для многих слов фразеологически связанными оказываются обозначения ЛФ Caus ('делать так, чтобы был X', где X - заглавное слово), Real ('делать с X-ом то, что соотьетствует природе X-а'), - Func ('типичное действие X-а'), Fact ('реализоваться, выполниться'). Для некоторых слов выражения функций такие же, как в обиденном языке, например, Func (ветер) = дуть, веять, Fact (печь) = топиться, для других - специфически фольклорное, например, Fact (ворота)= растворяться, Real (слезы) =уливаться, умываться. Очень характерно для ЯРПФ выражение перечисленных выше функций лексическими тавтологиями:

Caus
- (мосты) = мостить,
- (плеть) = плести
- (сад) = садить
- (дума) =думати, напр.,

Помогите мне дúмушку думати,
Помогите мне крепкую мыслити.

Oper$_1$
- ('закупочки') = закупать,
- (дары) = дарить
- (торги) = торговать, напр.,

Мы вечор торги торговали,
шелки-бархаты закупали.

Real
- (седлышко) = седлать,
- (стрелочка) = стрелять,
- (суд) = судить,
- (зима) = зимовать,
- (ночь) = ночевать,
- (год) = годовать, напр.,

Мне не годы-та годовати,
Только ноченьку ночевати
- (белила) = белиться
- (румяна) = румяниться, напр.,

Не белилечком набелилась,
Не румяничком румянилась [2]

1) Пример и метаязыковое объяснение идиомы взято из книги А.П.Евгеньевой "Очерки .... стр.509.
2) Тавтологические выражения рассматриваются в цитированной работе А.П.Евгеньевой.

Кроме стандар ных функций, т.е. таких, которые связывают многие пары слов, т.е. имеют широкую семантическую сочетаемость и характе - ризуются достаточным богатством языковых выраже ий, в словарную статью включаются и все нестандартные функции, специфические для данного слова, например, указанная выше для слова отъезжать функция предшествования - собираться, снаряжаться.

Мы уверены, что перечисленные пункты словарной статьи не исчерпывают всех типов информации, которая должна быть приписана слову в словаре, да мы и не ставили такой цели - важно было показать, каким образом идея толково-комбинаторного словаря может быть приложена к описанию лексики русского фольклора.

Что же может дать такой словарь для исследования лексики фольклора и еще шире - поэтических текстов?

Прежде всего - упорядоченный способ исследования и эксплицитного представления устойчивых связей слова в системе поэтического языка. Ведь словарная статья представляет собой анкету, на которую слово как бы должно ответить. Сопоставление словарных статей одинаковых слов в ТКС русского языка в словаре фольклорной лексики есть способ сравни - тельного описания двух языков. Словарная статья могла бы эксплицитно представить языковой механизм построения слов - образов, например, символов, и, таким образом, явиться своеобразным "паспортом" художественного образа.

Использование словаря дает возможность формального анализа структуры художественных текстов (разумеется совместно с описанием основных видов синтаксических структур, использующихся в фольклорных текстах). Попытаемся показать это на примере анализа текста свадебного причитания-мать будит дочь в день свадьбы:[1]

1. Уж ты ласточка косатая,
2. Уж ты доченька любимая,
3. Будё спать да высыпатися,
4. Пришло время пробуждатися,
5. По лугам-то секари секут,
6. По дворам-то петухи поют,
7. По избам-то печки топятся,
8. По церквам-то богу молятся,
9. Тебе надо ведь справлятися,
10. Тебе надо снаряжатися,
11. На чужу дальню сторонушку,
12. На злодейку незнакомую,

1) Текст записан в д.Масельга Каргопольского района Архангельской области ,1970г.

13. От желанных родителей,
14. От родимого от батюшки,
15. От родимоей от матушки,
16. К богосуженым родителям,
17. Уж ко свекру-свету батюшке,
18. Ко свекрови-свету матушке.

Стих построен из синтаксических параллелизмов, за исключением третьей и четвертой строки, прямо выражающих соотнесенность стиха с действием (причитание действительно исполнялось у постели невесты). Параллелизмы включают две строки (1-2, 9-10, 11-12), три строки (13-14-15, 16-17-18) и четыре (5-6-7-8). Вторая строка по отношению к первой и двенадцатая по отношению к одиннадцатой являются метафорически выраженными смысловыми повторами, построенными из синонимов и эпитетов к ним (дочь - ласточка, чужая сторона - злодейка незнакомая). Пятая - восьмая строки рисуют четыре типичных ситуации: предметы производят типичные действия, присущие им по природе или по назначению (Func или Fact) в типичном месте (Loc). Перед нами разновидность приема повтора - основного приема народной поэзии - повторение ЛФ, соединяющих разные субъекты действия и места действий, в симметричных синтаксических конструкциях.

Смысл, заключенный в этих строках, с одной стороны, объясняет, почему пора вставать дочери: все уже "при деле", день начался; с другой стороны, подготавливает слушателей к тому, что героиня - невеста тоже должна совершить некоторое действие, присущее ее по назначению: невесте суждено выйти замуж так же, как секарям сечь, петухам - петь, печкам топиться, а людям в церкви - молиться. Выйти замуж - уйти в чужую семью, чужая семья - чужая сторона, уезжают с родной стороны, родная сторона-родители, чужая сторона - свекор и свекровь, могут быть деверья и золовки соответственно братьям и сестрам родной стороны, перед отъездом собираются и снаряжаются. Все это сведения из словаря. Смысл 9-18 строчек и даже их лексическое наполнение можно предсказать, зная тему причета и тип используемого приема.

Итак, мы вступили в область моделирования художественных текстов-область, для которой составление семантического словаря является насущной необходимостью[1)].

Известно, что фольклорные тексты являются благодарным материалом для моделирования: количество описываемых ситуаций конечно, сюжетные ходы и функции героев стандартны и исчислимы. Нам представляется, что расстояние между темой (ситуацией, смысловым заданием) и текстом в

1) См. например, Т.В.Цивьян, указанная работа.

фольклоре меньше, чем в авторском искусстве. Поэтому идея, разрабатываемая А.К.Жолковским и Ю.К.Щегловым, что художественный текст можно представить как результат "проведения" некоторой темы, сформулированной на метаязыке, через конечное число приемов выразительности[1], нам кажется весьма перспективной применительно к текстам песенного фольклора. Основные приемы выразительности традиционной устной поэзии вполне "вписываются" в список приемов выразительности, предложенных А.К.Жолковским и Ю.К.Щегловым[2]. Прием смыслового повтора, например, пронизывает все уровни теста - от сюжета (трижды повторяется одна и та же ситуация в свадебной песне) до лексической тавтологии в выражении функций и повторов строк или отдельных слов. Близкий к нему прием психологического параллелизма в его положительной и отрицательной разновидностях может быть тоже сюжетообразующим фактором и приемом сравнения в зачине песни. Можно было бы указать еще на приемы обобщения через перечисление, с типичной внешней нелогичностью:

Уж ты ель, моя елушка,
Зеленая сосенушка,

или уже упоминавшийся выше прием ступенчатого сужения образа[3]. Интересно, что самые разные по смыслу приемы на уровне текста в стихе часто воплощаются в виде синтаксических параллелизмов; В.Я.Пропп отметил: "Можно говорить о симметрии речи как об одном из приемов народного стиха"[4].

Проанализированный выше текст причитания был выбран не случайно. Причитания - жанр импровизационный, а именно импровизационные жанры наиболее пригодны для моделирования, в частности, порождения. Плакальщица не держит готовые в голове тексты (записанные дважды и трижды от одной и той же исполнительницы тексты причитаний никогда полностью не совпадали), а порождает их по смысловому заданию, следуя по некоторому стандартному пути. Например, тексты уральских свадебных причитаний, записанные в 1975 г., построены очень однотипно: после обращения к лицам, с которыми невеста прощается, перечисляются все типичные действия,

1) А.К.Жолковский, Ю.К.Щеглов. К описанию смысла связного текста. Предварительные публикации ИРЯ, в.22, М., 1971.

2) А.К.Жолковский, Ю.К.Щеглов. К описанию смысла связного текста.3. Приемы выразительности, предварительные публикации, вып.39, М., 1973.

3) Попытка классифицировать приемы выразительности в фольклоре дана в статье Г.Л.Бенедиктова "Внелогическое начало в фольклорной поэтике русский фольклор, XIУ, Л, 1974.

4) В.Я.Пропп. Русский героический эпос. Л., 1958, стр.559.

которые она с ними или по отношению к ним производила и которые больше выполнять не будет; в тексте длиной в 20–30 строк используется всего два–три вида поверхностно-синтаксических структур. Нам представляется, что текст, выдаваемый средней плакальщицей, может быть автоматически порожден из сформулированного смыслового задания, при помощи предложенного типа семантического словаря, набора приемов выразительности и правил морфологии и синтаксиса языка фольклора. Такое порождение важно не само по себе – оно является средством описания структуры текстов.

Правда, в результате мы получим прозаический текст вместо стиха. А между тем причитание – это стих, стих, который поется, и ритм напева организует текст не только на уровне поверхностного синтаксиса и морфологии, но и, по-видимому, на более глубинных уровнях. Мы не будем вдаваться здесь в этот сложнейший вопрос, заметим только, что в музыкальной фольклористике в последнее время есть попытки описать типичные для определенных жанров (в частности, причитаний), ритмоструктуры – нормативы, координирующие типовые напевы-формулы со множеством разных текстов[1]. Ритмоструктуры – инвариант, реализующийся во множестве вариантов, зависимых от структуры текста. Выбор ритмоструктуры и взаимная "подгонка" текста и напева (а для этого в языке фольклора имеется масса средств – повторы целых слов и частей слов, вставления предлогов, междометий, обрастание слова уменьшительно-ласкательными суффиксами, перенос ударения) – вот возможный путь порождения квазифольклорных песенных текстов. Смысл же этого порождения, как мы уже сказали, в проверке, насколько глубоко мы проникли в структуру текста и насколько точно свои знания о ней мы можем сформулировать.

Автор выражает искреннюю благодарность Л.Н.Иорданской, И.А.Мельчуку и Е.М.Мелетинскому, прочитавшим рукопись и высказавшим ряд замечаний и пожеланий.

1) Г.Б.Ефименкова. К типологии русского северного плача. Проблемы музыкальной науки, вып.4 (в печати).

М.В.Панов

ФОНЕТИЧЕСКИЕ "ФАНТОМЫ F"

I.

Поэтическая речь знает: метафору, сравнение, синекдоху, метонимию и т.д. К этому ряду современная поэзия добавляет нечто новое,- особый способ изображения мира, который можно было бы назвать "поэтическое моделирование"[x] .

Пример: стихотворение Андрея Вознесенского "Париж без рифм". Берется два состояния объектов: реальное, известное нам по нашему бытовому опыту, - и другое, воображаемое, созданное по модели: объект минус его оболочка. Сквозь эти два состояния поэт прогоняет весь мир: Париж (здания которого "продраивает душ Шарко"), комнаты в домах, чай в чайнике, водопроводный поток, собор Парижской богоматери, статуи, человек, чернобурка, мысли в черепах, звук саксофона... Мир взят в процессе его- в прямом смысле слова - разоблачения. Он объединен общей моделью его образной перестройки.

Фантастическая литература, которая сейчас особенно твердо заявила о своих художественных правах, дает широкий простор этому особому видению мира, "поэтическому моделированию". Какой-то признак знакомого, общего нам всем мира меняется на иной (например, трехмерность - на двухмерность, как в очень смелом повествовании Чарльза Говарда Хинтона "Эпизод во Флетленде[xx]") или наличие силы тяжести - отсутствие силы тяжести и пр. Результаты мены прослеживаются на массе объектов, во множестве ситуаций.

Такой взгляд делает художественную литературу дружественной и близкой науке (недаром жанр, особенно склонный к такому функциональному переверстыванию мира, называется научно-фантастическим). Плодотворной может оказаться следующая попытка: отношения, выявленные писателем с помощью художественного моделирования, перенести в определенную научную область; проанализировать в ней ту модель, которая найдена образным творчеством. Не откроет ли это новые аспекты в объекте научного исследования? Если такая попытка будет сделана, как говорится,

---

[x] Люди крепкого закала сразу скажут: ничего в этом моделировании нет нового, все это уже было. Да, было; но другое.

[xx] См."Квант", 1970, № 2.

युक्त रूप से [*], тщательно, продуманно, то, возможно, откроются воз - можности более тесного, чем сейчас, сотрудничества художников и ученых.

Очень уместно сделать одну из таких попыток в препринте, посвя- щенном чествованию А.А.Реформатского. Именно он, А.А.Реформатский, в своих работах дает прекрасные образцы использования опыта художествен- ного творчества в интересах науки.

Итак: " поэтическое моделирование " и фонетика.

П.

Фонология знает, что есть фонемы, выраженные звуковым нулем. Иначе: функциональные единицы, которые бестелесны. Это - фонологические поручики Киже, особи, "фигуры не имеющие".

Роман Станислава Лема "Солярис" наводит на мысль, что может быть и противоположный случай. В романе говорится о "фантомах F": это - люди, но люди только по всему внешнему, по тому, что не является сутью человека; именно человеческой сути они лишены. Они поручики Киже наоборот.

Нет ли фонетических "фантомов F"?

В русских говорах на Колыме есть такое позиционное чередование:

Не между [с] и [р]	Между [с] и [р]	Не между [з] и [р]	Между [з] и [р]
-	[т]	-	[д]

Говорят: на руке - - с - т - рук, с - т - рукой;
о рыбе - - с - т - рыбе (род.пад.);
нарезать - - стрезать;
по рукам - - из - д - рук;
о рыбе - - из - д - рыбе (род.пад.);
через - д - реку;
раздрезать и т.д.[xx]

Согласные [с] и [р], [з] и [р] не могут быть соседями.

Чередование возникает даже на границе предлога и знаменательного слова; это надежный признак, что чередование позиционно, безысключи - тельно.

Такие эпентетические [т] и [д] - единицы, противоположные по своему поведению фонемам <т> и <д> в словах звездный,

---

x) in optima forma (хинди).

xx) В.Г.Богораз. Областной словарь колымского русского населения. СПБ, 1901, стр.8.

уездный, страстный, честный.

В случаях из-д-рук и под. есть фонетическое нечто, но оно не выражает фонемно-сущностной единицы. Оно фонемный мираж, созданный позицией. У него нет фонемного права существовать, оно – "фантом Ф ".

Другой случай: в словах типа льстить, мстить, рты, мхи, мшистый перед начальным сонорным (как показывают приборы) тянется гласный: [ъл'с'т'и́т'] , [ърты́] . Его бы хватило для образования слога. Ан нет! В этом случае он не идет в счет слогов. Льстить, рты – односложные слова. Этот гласный – позиционная неизбежность. Здесь он возникает в позиции: между паузой и сочетанием "сонорный + шумный согласный".

Гласный и есть ... и как бы нет его. Физически он существует, но по своей языковой сути, по функции – его нет. Поэтому и не образует слога. Ну, не фантом ли Ф !

Таких единиц в языках немало. Они – не редкие пришельцы, а постоянные участники языковой манифестации. В конце концов, все переходные от звука к звуку, глайдовые элементы – фантомы Ф .

С.Лем показывает , что судьба фантомов Ф может быть двоякой: либо они очеловечиваются (оболочка наполняется сутью), либо кончают жизнь самоубийством. Эти же два пути открыты и перед фонетическими фантомами Ф.

Чередование может утратить позиционный характер. Новообразования станут уже допускать соседство [с] и [р] , [з] и [р]. Тогда прежние фантомные [т] и [д] станут обычными представителями фонем <т> и <д>; оболочка наполнится сутью.

Например, в литературном языке есть слово встреча; в нем – фонема <т>, по происхождению – фантом Ф ; ср: во сретение, Сретенка и пр. Сейчас это обычная, полноправная фонема <т>, поскольку колымского чередования современный литературный язык не знает. Это путь "очелове́чивания" (resp. "офонемливания") фантомов Ф .

Другой путь – самоубийство. Под влиянием литературного языка может постепенно распространяться произношение: из-рук, с – рукой. Фантомы Ф как будто станут лениться выходить на работу. Тут бы их и предостеречь: Берегись! Quo vadis? Пропадешь! Если процесс будет продолжаться, то все фантомы (этого типа) понемножку исчезнут.

Как и в повести Лема, с фонетическими фантомами могут быть трудные, мучительные случаи. В словах смотр, педиатр, (пять) вётл, вопль, песнь, ритм перед последним сонорным (если он не оглушается) может яв-

ляться краткий гласный: [смо́тър] , [в'о́тъл] [x] . В нейтральном (не книжном) стиле, при небыстром темпе произношения он даже непременно явится. Имеет ли этот [ъ] статус фонемы? Или он - фантом Ø ?

Поскольку он - непременная вставка, его хочется считать фантомом. Но в этой же позиции возможен [у] : _контр_ (напр., в словосочетании _контр-предложение_) и _контур_. Обнаруживается различительная функция этого [ъ] ... Еще важнее, что О и фантом реализуются здесь одинаково: _ритор_ = [р'и́тър] (ср. _ритора_ здесь [ъ] остается, а ведь позиция уже не требует гласного; значит , и в _ритор_ гласный [ъ] - не порождение позиции; он представляет фонему <о> , ср. _риторика_). Но слова _ритор_ и _литр_ произносятся (в их заударной части) одинаково! Как же быть: считать [ъ] в _литр_ - фантомом? а в _ритор_ - правомочной фонемой? А можно ли доказать, что в _литр_ гласный [ъ] не представляет <о> ?

Когда - то автор этих строк писал в своей работе (кандидатской диссертации), что превращение [ъ] в фонему в случаях [смо́тър] еще нельзя считать реальностью, ввиду навязанности, обязательности гласного в этой позиции.

А.А.Реформатский, прочитав диссертацию, сказал примерно так:

- Как же определить, когда этот гласный станет фонемой? Ведь он защититься-то и получить диплом не может! У него нет документа, чтобы свидетельствовать о себе. Вы судите лучше о нем по его поведению! [xx] .

С.Лем тоже исследует случай, когда фантом Ø приобретает статус человека, и тоже обсуждается вопрос, как узаконить, как признать этот факт совершившимся. Герой повести хочет вернуться на Землю с женщиной, которая была фантомом Ø - была, но стала человеком: "Мы много говорили о том, как будем жить на Земле, как поселимся где-нибудь у большого города и никогда уже не покинем голубого неба и зеленых деревьев, вместе выдумывали обстановку нашего будущего дома, планировали сад и даже спорили о мелочах... о живой изгороди... о скамейке... Верил я в это, хотя бы секунду? Нет. Я знал, что это невозможно. Потому, что даже если бы она могла покинуть Станцию - живая, то на Землю может прилететь только человек, а человек - это его документ. Первый же контроль прекратил бы это путешествие".

---

[x] Впрочем, краткость его не больше, чем у обычного гласного [ъ] в этом положении; исходы слов _педиатр_ и _авиатор_ произносятся одинаково.

[xx] Позднее А.А.Реформатский посвятил этому вопросу статью "Слоговые согласные в русском языке". См. сборник "Развитие фонетики современного русского языка". М., 1971.

Феномен Ф и документ... Один и тот же аспект у Реформатского и у Лема. Фантомы перестают быть фантомами: документ ли должен это уста - навливать? Документ - всегда механическое порождение, механическое следствие ситуации: проживаешь там-то - получай справку, что прожи - ваешь там-то.

Если фантомы перестали быть фантомами, т.е. механическими порождениями ситуации, то об этом нельзя судить по мертвому документу, по механическому порождению ситуации: он не способен отразить преодоление такой ситуации. Стал ли гласной [ъ] в слове смотр, вётл фонемно существенным, не определить по показаниям аппарата, по документу. Надо исследовать его поведение. В нашем случае: [ъ] - фантом может дохо - дить до нуля, а [ъ] - нефантом не может (в нейтральном стиле произношения в указанной позиции). Поэтому слово педиатр может восприниматься и как педиатор: фантом колеблется меж нулем и [ъ] ; но ритор не воспри нимается как ритр. Значит, фантом пока еще в этом случае остается фантомом: его поведение не то, что у гласного, представляющего фонему.

Случай - частный для языка, окраинный, маргинальный; нам же был важен принцип, позволяющий решить: фантом или нет. Решение надо искать по Реформатскому и Лему; не считать, что все решают сами по себе спектограммы и осцилограммы, " документальные свидетельства" - надо изучать позиционное поведение единиц (конечно, и с помощью приборов).

С.Лем дает детальную классификацию фантомов Ф; среди них есть górodrzewy, długonie, grzybiska, symetriady, mimoidy ... Фонетические фантомы Ф едва ли не все - мимоиды. Мимоиды, по Лему, непременно подражают, уподобляются чему-нибудь соседнему. Так и фонетические фантомы в сочетании [стр] средний (фантомный) согласный - глухой твердый зубной, как сосед слева; он смычной, как сосед справа. И такое уподобление соседям - обычно для этих единиц. А górodrzewy и grzybiska среди них не встречаются.

Ш.

По повести Лема был написан киносценарий и поставлен фильм; автор его - Андрей Тарковский. Это - другое произведение, с иной сутью. Лем исследует возможности встречи с нечеловеческим разумом. Он показывает, как трагично может быть непонимание двух разумов - человеческого и иного По Лему, феномены Ф , созданные внечеловеческим разумом,- не кара, не возмездие людям; может быть, они - даже дар Океана-мыслителя. Эти фантомы, возможно, мучат землян не по замыслу их разумного создателя. Так у Лема. Трагична невозможность контакта.

У А.Тарковского – две идеи, одна вложена в другую (принцип матрешки). Наружная и более простая: океан – внешняя среда; будьте разумны в отношениях с нею, не разрушайте ее! Это созвучно с сегодняшней газетой и легко доходит.

Другая идея – более глубокая, более напряженная. По Тарковскому, фантомы Р – возмездие Океана. Сарториус, один из землян, пытался жестоко (мощными убивающими излучениями) действовать на Океан. Он руководствовался принципом: если океаны не сдаются, их уничтожают. Океан ответил карой – послал фантомы Р. Землянам стало не в мочь. Снова они думают о жестокостях, но ничего не могут сделать. Конфликт становится безысходным.

И только герой повести Кельвин – единственный человек τὸ σύστρ συν-εσος εἶναι καὶ τὸ μή . Он вне жестокости. Он полюбил Хари, мучительный фантом, посланный мыслящим Океаном. Стремление Кельвина и Хари помочь друг другу, общие поиски выхода из трагической неблизости – все это приводит к возможности понять иной мир. Последняя сцена: Кельвин, в прошлом тоже сторонник жестокости, приходит к Океану (вернее – к фантому, созданному Океаном) покаяться в этом прошлом.

Таков путь: от ненависти к близости и пониманию иного мира, иного сознания.

Все в звуковой материи языка делят обычно на фонологически существенное, релевантное, входящее в оппозиции – и фонемно-несущественное, нерелевантное, не составляющее оппозиций. Недружелюбное, злорадно-глумливое отношение, презрение к нефонологическим элементам в звуковой цепи – вот норма для большинства фонологов.

Фантомы Р – предел нефонологичности, они могут казаться просто болезнью языка. И, может быть, стыдной болезнью. Они бесполезны для различения слов. Фонологи злобно рычат, встречаясь с этими фантомами. Напрасно! Фантомы эти объединяются... в особую фонемную единицу!

Предположим: есть звуки T_1, T_2, T_3. В сочетании $T_1 + T_2$ появляется фантом N : T_1 N T_2; в сочетании $T_1 + T_3$ появляется фантом М: $T_1 M T_3$; в сочетании $T_2 + T_3$ появляется фантом L : T_1 L T_3 ... Ясно, что существует позиционное чередование: N || M || L . Как позиционно-чередующиеся единицы, они должны быть объединены в общую функциональную единицу... какую? Нулевую фонему! Она представлена рядом позиционно чередующихся звуков (поэтому – фонема), но не имеет обычной функции фонемы (различать и отождествлять значимые единицы), поэтому – нулевая. Прошу любить

и жаловать![x] .

Обычной функции не имеет... А какую же функцию имеет эта нулевая фонема? Неизвестно. Недружелюбное, озлобленное отношение к нулевым фонемам не позволило взглянуть на них если не с участием, то хотя бы (как минимум) лояльно. Но пытливо.

Лояльное (еще лучше дружелюбное) отношение к фантомам позволит систематически, серьезно, углубленно их исследовать, как принято говорить -உரிய தரத்தில்**.

Как уже говорилось, они - не редкость, они - постоянное звено, клетка, ткань в языковой системе. Очевидно, они зачем-то нужны. Пока мы все по отношению к нулевым фонемам -Сарториусы. Фильм А.Тарковского зовет нас к иному подходу. Спасибо этому фильму. (Но цвет в нем все-таки ужасен).

x

Довесок. (Или, говоря более строго - Post scriptum). Пока очевидно одно достоинство фантомов Ф : они позволяют хорошо, глубоко рифмовать. На Колыме или где-то около поют озорную частушку, где рифмуются слова костру - остру. Без фантомов рифма была бы хуже.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

---

[x] Можно показать именно с помощью нулевой фонемы, что если в фонологической синтагматике действует равенство 2 - 1 = 0, то в парадигматике действует равенство 2 - 1 = 2. Но об этом - особый разговор.

[xx] in optima forma (тамильск).

Бесплатно